

Глава 31

Сражение с Фрэнком Шекспиром и Рональдом Рейганом

Победа национал-патриотов.
Передача Лосева о еврейском Змие.
Обращение к Сенату США.
Увольнение со «Свободы».
Американская демократия.
Незабвенный Ларс-Эрик Нильсен.
Волчьё молчание эмиграции.
Немецкий рабочий суд.
Бешенство солжистов и солидаристов

Подошло время рассказать о моем сражении с администрацией «Свободы» и косвенно с президентом США.

История эта потрясла всю эмиграцию и даже значительную часть западной общественности, освещалась в центральной прессе почти всех стран Запада, обсуждалась в Конгрессе США и в Белом доме. Ведь это было первым и пока, слава Богу, единственным случаем репрессий против советского диссидента на Западе за осуществление им святого права на критику, протест, да еще по такому поводу, как антисемитская пропаганда на Советский Союз через американскую государственную (фактически) радиостанцию.

В этой истории все сошлось и переплелось: качества русской эмиграции и американских администраторов, немецкого рабочего суда и трудового законодательства, президента США и американской демократии.

Победа национал-патриотов

Центральной, хотя и несколько закулисной фигурой в этой истории был президент США. Напомню, что именно президент в Штатах назначает главное лицо администрации РСЕ/РС — председателя Совета международного радиовещания (ВІВ), который потом уже подбирает всех нижестоящих администраторов: президента обеих радиостанций, директоров РСЕ и РС.

Президентом США в то время был Рональд Рейган.

Ирония состоит в том, что советская пропаганда не всегда говорила сплошную неправду. Так, была доля правды в том, как советские СМИ освещали личность Рейгана. Рейган действительно был крутым реакционером и ко всему еще не очень умным человеком. К примеру, как раз во время моего сражения с администрацией РС он вознамерился при поездке в Западную Германию посетить кладбище эсэсовцев. Но американская демократия — не российская: 75 сенаторов из 100 проголосовали против такого мероприятия, и Рейгану пришлось посчитаться с их мнением!

К достоинствам американской демократии надо отнести то обстоятельство, что деятельность на посту президента неумного и реакционного человека микшируется эффективными демократическими институтами, включая прессу, и такие президенты не приносят заметного

вреда стране. Зато когда президентом становится Личность, в стране, а то и в мире многое меняется в лучшую сторону. Примеры тому — деятельность Авраама Линкольна, Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди.

Так вот, в 1984 году Рейган назначил председателем ВІВ некоего Фрэнка Шекспира, радикального реакционера с коричневым оттенком. Впервые приехав на радио в Мюнхен, Шекспир в ответ на реплику кого-то из НТС, что, мол, «Свобода» при прежнем руководстве занимала антирусскую позицию, заявил, что и в США имеются антиамериканские органы массовой информации, например газета «Нью-Йорк таймс». Да еще обрадовал сотрудников радио, что все члены нового ВІВ — белые. Большинство американцев на станции были в шоке. «Теперь держитесь!» — сказал мне один из них.

И понеслось: Шекспир обратился к Солженицыну и Максиму за советом, кого ему назначить директором «Свободы»?

И те посоветовали Джорджа Бейли, члена редколлегии «Континента», американца и горячего русского патриота. Дело в том, что Бейли в конце войны, будучи высокопоставленным сотрудником ЦРУ, руководил выдачей власовцев и других русских коллаборантов советским властям. Два года этим занимался. Как он потом напишет в своей мемуарной книге, он видел, как русские вскрывали себе вены у него на глазах или убивали друг друга, чтобы не попасть в руки советских коллег Дж. Бейли. И у бедняги поехала крыша! Он оказался человеком совестливым, сострадательным и в порядке раскаяния сделался страстным поклонником всего русского и русских националистов в том числе, а заодно и украинских. На радио он приблизил к себе энтээсовцев и даже в секретари взял дочь студийного режиссера Виктории Семеновой, Жанны Д'Арк русского патриотизма и антисемитизма. (Это она сказала в студии: «Они уже за Христа принялись!»), когда я цитировал речь Желябова из трифонового «Нетерпения».) Виктория Семенова ежедневно приносила Бейли в судочках русские обеды — щи, пирожки, жаркое и прочее. Но бедняга Бейли — сложная личность! — сподобился породниться и с немецким патриотом Акселем Шпрингером, медиамагнатом (был женат на его дочери). Представителем дома Шпрингера Бейли и состоял в редколлегии «Континента».

Главным своим советником Бейли сделал Глеба Рара, и тот немедленно принялся проводить на станции реформу, которой так долго добивались Солженицын, Максимов, НТС и прочие национал-патриоты. Суть этой реформы была в следующем.

Отмена предварительного американского контроля за соответствием содержания передач политическому руководству, утвержденному в свое время Сенатом США.

Введение шести религиозных передач православной конфессии — на что отводилось 14 часов в неделю. (Вспомним возмущение Солженицына: «Радиопередачи «Свободы» все 30 лет направлены на то, чтобы не дать русскому православию подняться и стать организующей силой в России».) Для сравнения, польская редакция РСЕ, вещая на очень религиозную страну, имела в неделю только полтора часа религиозных передач.

Правда, вскоре после недоуменных вопросов в Вашингтоне (почему ведутся только православные передачи на многоконфессиональную страну?) одну из шести отдала под иудаизм. Мусульман, протестантов — побоку, хотя их в России значительно больше, чем евреев, и тем более — верующих евреев.

Выделение 14 часов в неделю под религию значительно уменьшило время для остальных тематических передач и привело к сокращению числа их повторений с шести до трех раз в су-

тки, что для страны с 12 часовыми поясами и в условиях глушения означало уменьшение вероятности приема этих передач почти до нуля.

И самое фантастическое — каждое утро русское вещание «Свободы» начиналось чтением псалмов!!! «Приступая ко дню» — называлась передача. Эти псалмы представляли собой дополнение к глушению. Зеленая улица была дана национал-патриотическому вещанию, прежде всего — текстам Солженицына. В том числе антиамериканским и антидемократическим!

Безумие Солженицына захлестнуло станцию! Помню эпизод с текстом речи Солженицына в Японии, в которой «классик» убеждал японцев не верить в помощь США в борьбе с «коммунизмом», так как американцы всех предадут. Речь эта должна была передаваться в программе Глеба Рара, но ее отказывались подписывать к эфиру все помощники Бейли — боялись! Но сам Бейли ее подписал, и она пошла в эфир. И при этом нам не разрешалось оппонировать Солженицыну.

Русские нацпатриоты быстро раскрутились до антисемитских передач и даже до антикатолических — умудрились оскорбить Кароля Войтылу, Папу Римского. Снарядили они в эфир и передачу о том, как поляки (оказывается, не только евреи!) погубили Россию, предав Белую армию в Гражданскую войну. Не отставала и украинская служба, где Бейли также дал карт-бланш украинским националистам. Они, к примеру, стали прославлять эсэсовскую дивизию «Нахтигаль», сформированную из украинцев, и марионеточное правительство Стецько — как «борцов за освобождение Украины от москалей и коммунистов».

Я несколько раз на планерках пытался протестовать против подобных передач, предлагал уравновешивать их противоположными материалами. Без внимания!

Наконец я послал Джеймсу Бакли, президенту обеих радиостанций (до того сенатору от штата Нью-Йорк), и Джорджу Бейли меморандум с предложением создать передачу о публицистике Сахарова, который в то время находился в ссылке и был лишен голоса. Даже не получил ответа!

Однако со временем о вакханалии на РС стало известно в Америке, и американская пресса начала с возмущением писать о националистических передачах «Свободы». Симон Визенталь, знаменитый «охотник за нацистскими преступниками», выступил в американской прессе со статьей, в которой писал, что в 41-м году он находился во Львове, когда туда входили немецкие войска, и читал листовку восхваляемых сейчас по «Свободе» украинских «патриотов», руководимых Стецько: «Встречайте немецкие войска не цветами, а отрубленными жидовскими головами!». Протестовала и международная еврейская антифашистская организация «Бнай-Брит». С острой критикой в адрес РС выступил тогдашний председатель сенатской Комиссии по иностранным делам (она курирует финансирование радиостанции) Чарльз Перси, а также директор персонала этой комиссии Дж. Крисчансен. Чарльз Перси и влиятельный член комиссии сенатор Клайборн Пелл один за другим потребовали расследования на «Свободе».

Расследованием занялся главный контрольный орган Сената Джи-Ай-О (Главная счетная комиссия). Инспекторы комиссии прибыли в Мюнхен на радиостанцию.

Эссе Л.Лосева о еврейском Змие. Моя апелляция в Сенат США

В этот момент в эфир пошла одиозная антисемитская передача эмигрантского литератора Льва Лосева, посвященная описанию Солженицыным убийства Петра Столыпина Дмитрием Богровым («Август четырнадцатого»). Лев Лосев, поэт, был крестившимся евреем, сыном знаменитого искусствоведа Лифшица, ходившего (как и И. Юзовский!) в годы сталинского антисемитизма в лидерах «критиков-космополитов».

В своем эссе Лосев стремился прямыми словами довести до сознания слушателей то, о чем Солженицын говорил в романе образным языком. А именно, что еврей Дмитрий Богров (как и в случае с «Израилем» Парвусом, Солженицын дает Богрову еврейское имя «Мордка»!) убил Столыпина не по «заказу» его врагов при дворе, как это признано всеми серьезными историками в мире, а из-за того, писал Лосев, что «в самой глубине личности Богрова, в такой глубине, где личность уже и перестает быть личностью и превращается в явление родовое», т. е. присущее всему еврейскому народу, «таилась змеиная ипостась Богрова», конкретно — ненависть к России. И не просто «змеиная» ипостась была присуща Богрову, уточняет Лосев, а ипостась «Змия», т. е. посланника сил ада! «В романе Солженицына, в противоборстве Столыпина и Богрова, — писал Лосев, — отчетливо прорисовывается мифологема противоборства Добра и Зла, Света и Тьмы, Креста и Змия».

И для окончательного прояснения этой мысли Лосев цитировал «Протоколы сионских мудрецов», защитив себя оговоркой, что это фальшивка. Он цитировал в «Протоколах» именно то место, где говорится о планах еврейских мудрецов завоевать мир и о необходимости с этой целью «подтачивать и уничтожать все государственные нееврей-

ские силы по мере их роста». В эфире приглушении слова о фальшивости «Протоколов» вообще могли остаться неслышанными, да и зачем, спрашивается, цитировать фальшивку?! Ну и одновременно в передаче говорилось, что «выстрел в Столыпина — был выстрелом в Россию» и привел в 17-м году к революции, т. е. к «гибели России». О том, что в России в те времена совершалось множество террористических актов против царских властей, к которым евреи не были причастны, в эссе не говорилось ни слова. Не упоминалось и о том, что незадолго до Богрова Столыпина пытались убить эсеры, среди которых также не было евреев.

Я решил протестовать по поводу этой передачи и протест направить в Сенат, ибо было совершенно ясно, что новое руководство РС само по себе никаким протестам против писаний нацпатриотов внимания не придаст. Я предложил нескольким возмущенным сотрудникам-евреям (набралось человек пять) написать коллективное обращение, но нашелся среди них господин, который разрушил эту идею. Решили писать отдельные протесты. Кончилось тем, что написали только двое, но и они не решились послать свои протесты в Сенат — направили «родному» начальству, которое, разумеется, выбросило протесты в корзину. Свой меморандум, адресованный Комитету международных отношений Сената (копии начальству РСЕ/РС, редактору передачи и ее автору), я передал прямо в руки сотрудникам Счетной комиссии Сената (Джи-Ай-О), работавшим тогда на станции. Узнав, что никто больше не направил протест в Сенат, я понял, что мое пребывание на «Свободе» повисло на ниточке!

В протесте я писал, что передача по «Августу четырнадцатого», на мой взгляд, «представляет собой пропаганду крайнего антисемитизма и является дополнением к антисемитской пропаганде КПСС и КГБ, которая однако еще не решается цитировать «Протоколы сионских

мудрецов», любимую книгу Гитлера, как это сделано в упомянутой передаче». Писал я и о том, что подобных передач с приходом новой администрации стало очень много.

Меморандум я заключил словами: «Необходимо, очевидно, проведение серьезных реформ в структуре и руководстве РС, чтобы сделать невозможным появление в эфире передач, оскорбляющих ту или иную категорию наших слушателей и дискредитирующих наше Радио».

На что я рассчитывал, адресуя этот протест в Сенат? В лучшем случае на то, что со станции уберут Бейли и нацпатриотов вновь отодвинут от руля. Но я прекрасно осознавал риск этой акции. Ведь фактически я жаловался Сенату на политику президента США, поставившего во главе РСЕ/РС махрового реакционера. Я понимал, что посылая в одиночестве протест в Сенат, я очень облегчаю начальству станции возможность отомстить мне, уволить с работы, что для меня означало бы приговор к пожизненной нищете, но и продолжать работать на «Свободе» в ее нынешнем качестве я уже не мог.

Перед тем как передать протест сотрудникам Джи-Ай-О, я посоветовался с Анитой, объяснив ей, чем все это может закончиться. Она, вздохнув, согласилась со мной, что надо протестовать.

Из Джи-Ай-О сведения о передаче эссе Лосева и о моем протесте «утекли» в американскую прессу, и скандал разгорелся с новой силой. В «Вашингтон пост» подчеркивалось, что на этот раз протест пришел не от западного человека, а от российского сотрудника РС, политэмигранта и бывшего диссидента. Для американцев это было важно.

Затем был опубликован и доклад Джи-Ай-О. В нем сообщалось о многочисленных нарушениях «политического руководства» в передачах РСЕ/РС, включая передачу эссе Лосева об «Августе четырнадцатого» Солженицына, и делался вывод об ответственности за эти нарушения нынешнего руководства станции. В Сенате по этому докладу было даже проведено слушание. (Солженицын потом в «Зернышке» напишет, что обсуждал Сенат роман «Август четырнадцатого», «не прочитав его, так как еще не было английского издания». Правду он не мог написать: пришлось бы тогда мое имя упоминать в героическом ореоле! А он напишет, что я донос сделал начальству «Свободы» на передачу Лосева. О том, что это был протест в Сенат, и о последующем увольнении не скажет ни слова!)

После слушаний в Сенате Белый дом срочно направил к нам на радиостанцию своего представителя, профессора русской истории Беллингтона, с поручением разобраться, действительно ли дело обстоит так серьезно. Он несколько дней работал на станции, встречался со многими, но не со мной!

В этот период я стал невольным свидетелем происшествия, характерного для нравов либеральной эмиграции. В исследовательском отделе нашей редакции работала бывшая диссидентка и член клана Синявских Юлия Вишневская, крещеная еврейка. Ко мне она относилась так же, как и Розанова, и неоднократно сочиняла мне мелкие пакости. Так вот, захожу я в один прекрасный день в комнату к Глебу Рару по делу и вижу — стоит перед ним госпожа Вишневская, спиной к двери и ко мне, значит, и говорит, что если Глеб Александрович пожелает, она может собрать подписи сотрудников-евреев под заявлением, что в передачах русской редакции не было антисемитизма. Я застыл в дверях и увидел, что Рар с испугом смотрит на меня. Увидела этот его взгляд и Вишневская и обернулась. Я в ужасе бежал от кабинета Рара. Не знаю почему, но предлагавшегося заявления сотрудников-евреев не последовало.

Случилась в те дни и другая мерзость. Господин Наум Коржавин написал письмо президенту радиостанции Джеймсу Бакли в защиту передачи Лосева и с обвинениями в адрес сотрудников, протестовавших против этой передачи (письмо датировано октябрём 1984 года). Он обвинял всех нас в клевете и провокации с целью нарушить нормальную работу радио.

«Я тоже по происхождению еврей. И меня возмущает и оскорбляет поведение этих людей», — писал Коржавин. В письме утверждалось, что в передаче-эссе Лосева нет никакого антисемитизма, и заканчивалось оно следующим образом:

«Полагаю, что Солженицын — даже если отвлечься от его колоссальных заслуг перед литературой — сделал для России и свободы достаточно, чтобы никто не смел становиться между ним и его читателями-слушателями внутри страны. И особенно меня не устраивает, когда такие попытки предпринимаются как бы от имени и во имя еврейского народа, из которого как-никак я тоже происхожу. Все равно, почему это делается — из близорукости, темных расчетов или маниакальности. Все, что я знаю о Вас, дорогой г-н Бакли, позволяет мне надеяться, что Вы не поддадитесь этому бесстыдному и бессмысленному шантажу.

С многолетним уважением и наилучшими пожеланиями. Искренне Ваш Н. Коржавин, русский писатель, эмигрант».¹

Бедный Коржавин не знал, что дни «многолетнеуважаемого» г-на Бакли на президентском посту радиостанции сочтены. Для фона отмечу, что мы с Коржавиным были знакомы еще с Москвы — встречались на диссидентских тусовках. Однажды я ему даже предложил подписать составленное мною обращение к президенту Никсону перед его приездом в Москву, которое ранее уже подписали многие правозащитники, включая Сахарова. Но Коржавин подписать отказался, честно объяснив, что боится лишиться возможности печатать свои стихи в журналах, а к эмиграции он еще не готов. Я понял и принял его объяснение. Так что Коржавин хорошо знал, кто я и откуда.

Интересную деталь узнал я потом и от Владимовых. Они рассказали, что когда вспыхнул мой конфликт с руководителями РС, в редакцию «Граней» (Владимов тогда еще работал редактором) прибежал Романов, один из фюреров НТС, и стал рыться в архиве. «Здесь где-то должна лежать распечатка книги Белоцерковского, — объяснил он, — в которой этот негодяй (т. е. я) рассказывал, как он был завербован КГБ!». Он имел в виду текст «О самом главном», переданный в НТС Юрием Штейном! Там была автобиографическая главка. Ничего не найдя, Романов, проклиная «разгильдяев»-сотрудников, выбежал из редакции.

Увольнение со «Свободы» Американская демократия

После возвращения Беллингтона в Вашингтон было объявлено о предстоящем в течение лета смещении со своих постов всех главных руководителей РСЕ/РС — Ф. Шекспира, Д. Бакли и Дж. Бейли. Очевидно, Беллингтон не привез Рейгану никаких утешительных сведений. И вскоре же из эфира исчезли все «коричневые» передачи, как в русской редакции, так и в украинской. Многие уже подготовленные программы были выкинуты в мусорный ящик. Прекратилось и чтение псалмов по утрам.

¹Цит.по: Литературный курьер (США).1985. №11

Многие поздравляли меня с победой, но я чувствовал, что до победы еще далеко.

Интересно, что Рейган направил дорогого его сердцу Шекспира послом в Португалию, вновь продемонстрировав этим уровень своего интеллекта: ведь в Португалии тогда у власти находились социалисты! Пришлось вскоре же отзываться Шекспира из Лиссабона, после чего ему нашли, наконец, подходящее место — посла в Ватикане!

И еще важное отступление. В редакциях РСЕ Ф. Шекспиром были также назначены новые, более правые по взглядам руководители, но там ничего подобного тому, что начало происходить в русской и украинской редакциях РС, не случилось! В эмигрантских общинах из стран Восточной Европы и Прибалтики не было (или почти не было) «рехтсрадикалов». Нечему было раскручивать коричневый шабаш.

Предчувствие, что моя победа была неполной, очень скоро материализовалось. Шестнадцатого марта 1985 года в известном либеральном американском журнале «Нэйшн» была напечатана моя статья «Солженицын — пятая колонна советской пропаганды» (в журнале было другое название), в которой я писал о том, что антидемократические и антизападные выступления Солженицына и его единомышленников превратили их в «пятую колонну» советской пропаганды. Если советской пропаганде, писал я, большинство людей в СССР уже перестали верить, то Солженицыну и Ко, говорящим с Запада примерно то же самое, советским людям трудно не верить. В этой статье я обращал также внимание читателей на то обстоятельство, что западные консервативные круги, пленяясь антикоммунистической риторикой Солженицына и его союзников, дают им возможность использовать финансируемые Западом органы массмедиа, работающие на русском языке, для пропаганды своих взглядов.

В статье я ничего не писал о работе РСЕ/РС, но редакция журнала сама вставила в статью фрагмент из доклада сотрудника сенатской Комиссии по международным отношениям Дж. Крисчансена, в котором речь шла о скандале в русской редакции в связи с передачей эссе Лосева.

Между прочим, моя статья попала в «Нэйшн» для меня совершенно неожиданно. Я послал ее почитать моему чешскому другу, активисту Пражской весны, историку Михалу Райману, профессору Свободного Берлинского университета. Ему статья очень понравилась, и он переслал ее своему коллеге, американскому историку Стиву Коэну, автору знаменитой книги о Бухарине, и тот, в свою очередь восхитившись статьей, отнес ее в редакцию «Нэйшн», которой заведовала его подруга, а впоследствии жена, Кэтрин ван ден Хэйвел. (И Коэна, и Хэйвел многие знают в Москве.)

Шестнадцатого марта вышел номер «Нэйшн» с моей статьей, а уже 22 марта я получил выговор-предупреждение от администрации РС. В тексте выговора значилось, что я нарушил пятый пункт (sic!) контракта радиостанции с профсоюзами, согласно которому сотрудники должны испрашивать разрешение администрации на выступления вне радиостанции, если они касаются ее работы. Раньше этот пункт никогда не применялся, и я ничего не знал о его существовании. Сам два раза выступал в прессе по поводу работы радиостанции (защищал ее от нападков нацпатриотов!), выступали и мои коллеги, не испрашивая разрешения, в том числе с острой и нечестной критикой радиостанции (с «патриотических» позиций) выступал в «Посеве» сам Глеб Рар.

Выговор заканчивался предупреждением, что в случае повторения подобного нарушения я буду уволен.

Я немедленно написал ответ, в котором призвал администрацию аннулировать выговор-предупреждение. Я писал:

«Фрагмент о передачах РС был вставлен в мою статью редакцией ж-ла «Нэйшн» из доклада г-на Крисчансена. Но я принимаю ответственность за этот фрагмент. Однако предупреждение/выговор считаю необоснованным и представляющим собой еще одно свидетельство дискриминации по отношению ко мне по политическим, а возможно и национальным мотивам. ...Не обсуждая здесь соответствие принципам демократии упоминаемого Вами «пункта 5», я вижу одно явное исключение в применении этого пункта — случай пропаганды расовой или национальной ненависти.¹

Именно такой случай представляет собой упоминаемая в моей статье передача об убийстве Столыпина евреем Богровым. И в будущем в подобной ситуации, если она повторится и администрация не примет мер, я также не буду считать себя связанным условиями «5 пункта».

Предвижу вопрос, зачем мне надо было брать на себя ответственность за вставку, сделанную редакцией «Нэйшн»? Совершив один диссидентский поступок, я уже не хотел останавливаться, защищаться формальным образом, уступать в главном, в принципе, трусить. Тем более что фрагмент-то был справедливым и взят из внутреннего доклада Сената. Потом я понял, что поступил правильно, только надо было все-таки ткнуть в нос администрации РС, что я цитирую Конституцию ФРГ. Кэтрин ван ден Хэйвел рассказала потом в «Нэйшн», как происходило мое увольнение. (Она была в контакте с К. Пеллом и имела от него достоверную информацию.) После появления моего протеста все высшие руководители РСЕ/РС собрались в Вашингтоне, в штаб-квартире ВВВ, чтобы обсудить создавшееся положение, и по возвращении в Мюнхен президент обеих радиостанций Джеймс Бакли вызвал к себе руководителей и юристов отдела кадров и приказал: «Выгнать этого сукина сына!» (Get rid of the son of a bitch!). Это меня, значит. Я очень горжусь этим обозначением моей личности в устах подручного мистера Шекспира! (И вновь переплетение жизни: Джеймс Бакли в прошлом, еще будучи сенатором, посетил в Москве Сахарова, произвел на него хорошее впечатление и имел с ним беседу, которая была широко распечатана в прессе Запада.) Так что в отделе кадров в любом случае нашли бы повод меня уволить. Хотя у нас говорили, что юристы пытались убедить Бакли, что по немецкому законодательству, в юрисдикции которого находились все штатные сотрудники станции, уволить меня очень трудно (так, чтобы я потом не мог по суду восстановиться).

Седьмого мая мне было сообщено из Рабочего совета радиостанции, что администрация намерена уволить меня за мой протест против выговора.

Никогда не забыть мне выражения лица, с каким Анита восприняла мои слова, когда я, вернувшись 7 мая с работы, сказал: «А ведь меня все-таки увольняют!». Для нее это был очень тяжелый удар, ей трудно было понять, как это могло произойти. Напомню, что, кроме всего прочего, с нами жила моя дочь Женя. К моменту моего увольнения ей исполнилось 12 лет. Анита у Нейманиса получала очень скромную, «русскую» зарплату, вчетверо меньше моей, и у меня не было никаких надежд найти какую-либо другую работу.

---

¹Я имел здесь в виду Основной закон – Конституцию ФРГ, объявляющей разжигание национальной ненависти уголовным преступлением и разъясняющей, что в этом случае никакие внутренние правила и соглашения не должны ограничивать права граждан на гласный протест. Я надеялся, что администрация РС знает Конституцию ФРГ.)

Неожиданно для меня 22 сотрудника русской редакции (около половины творческого состава), люди разных волн эмиграции и этнического происхождения, подписали обращение к администрации с призывом воздержаться от увольнения Белоцерковского. (Членов НТС среди них, разумеется, не было.) Против увольнения высказался и Рабочий совет. Однако 14 мая я получил письмо об увольнении, в котором значилось:

«Это увольнение обусловлено Вашим поведением. Поводом к увольнению послужил Ваш ответный меморандум от 11.4.85. В этом меморандуме Вы даете понять, что и впредь при определенных обстоятельствах не будете придерживаться «пункта 5» контракта с проф-союзами.

С получением этого письма Вы освобождаетесь от дальнейших служебных обязанностей.

С дружеским приветом

Харольд Батдорф».

Это произошло после 12 лет моей работы на радио. И «с дружеским приветом» — это Америка! Самое интересное тут, что Батдорф действительно относился ко мне дружески! Батдорф, напомним, в 1975 году был свидетелем «беседы при директоре», когда меня в первый раз хотели уволить с работы за протест против «разгула нацистских настроений» (в связи с выступлением на станции Леонида Плюща), и потом говорил, что был восхищен, «с каким достоинством держал себя Белоцерковский».

Я обратился в рабочий суд Мюнхена и в Конгресс США. При этом мне очень повезло с адвокатом. Звали его Фридрих фон Халем. Уж не помню, как я на него вышел. Он, во-первых, говорил по-русски, а главное, был, можно сказать, потомственным антифашистом. Отец Фридриха был знатным аристократом в Пруссии и, как многие немецкие аристократы, ненавидел нацистов. Накануне прихода Гитлера к власти отец Фридриха обратился к евреям Германии с советом создавать вооруженные отряды самообороны и предложил свою помощь. По Веймарской конституции такие отряды дозволялись. Но лидеры еврейской общины отказались от этой идеи: они не верили, что в стране Гете и Баха могут прийти к власти «какие-то хулиганы». И когда «хулиганы» пришли, они немедленно кинули отца Фридриха в концлагерь, а потом и расстреляли. Так что мой адвокат, мягко говоря, не любил антисемитов и защищал меня с большим усердием, чем, наверное, я бы сам себя защищал. Мы навсегда подружились с ним. Самое забавное, что последние 10 примерно лет он живет в Москве! Купил там квартиру и место на кладбище (немецком, Введенском, где покоятся и мои родители), открыл юридическую контору для коммерсантов из Германии. Человек любит Россию! И это при том, что в Германии у него двое детей, внуки и прекрасные с ними отношения. А еще он «страдает» непробиваемым добродушием и являет собой пример совершенного бессребреника. Бедным русским немцам и евреям, желающим уехать в Германию, он помогает бесплатно! Иные из них, узнав об этом, прикидываются бедными, но Фридрих, решительно не разбираясь в людях, особенно в русских, никогда этого не замечает. Ко всему еще он имеет рост под два метра, прусские усы и похож одновременно на Фридриха Великого и Максима Горького, которого очень почитает. Такие вот есть немецкие немцы!¹

¹Когда я уже заканчивал работу над книгой, пришло сообщение о смерти Фридриха. Умер он в Мюнхене от инсульта. Дети похоронили его в Потсдаме.

В течение лета 1985 года (уже после моего увольнения) один за другим оставили свои посты три высших руководителя радио: председатель ВІВ Фрэнк Шекспир, президент обеих радиостанций Джеймс Бакли и директор РС Джордж Бейли. Однако заменившие их руководители (подобранные уволенными!) из суда со мной не вышли, меня добровольно не восстановили, хотя их к этому призывали курирующие радио сенатор Клайборн Пелл и конгрессмен Ларри Смит, сопредседатель Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса.

Клайборн Пелл, адресуясь еще к «достопочтеннейшему» (как стояло в письме) Джеймсу Бакли, писал:

«Насколько мне известно, г-н Белоцерковский был лояльным и компетентным работником. Мне также известно, что годами работники писали статьи, критикующие Радио Свобода, и не были за это уволены. Меня беспокоит, что РСЕ/РС может предстать в очень плохом свете, если окажется, что единственной причиной для увольнения является критика в отношении антисемитизма.

Я очень надеюсь, что Вы рассмотрите вопрос о восстановлении г-на Белоцерковского на работу в связи с поднятыми мною выше соображениями».

Я получил от сенатора копию этого меморандума и храню ее как один из дорогих мне документов.

Руководители радио оставили это обращение без внимания. Попутно вдумаясь: Сенат финансирует радиостанции, но не имеет власти над его руководством, платит, но музыку не может заказывать! (Как свято убеждены в обратном наши сторонники капитализма!) И это тоже — Америка. Финансировать из бюджетных средств и владеть — там не одно и то же! Подчинялось руководство радио только президенту США и только в вопросах утверждения или увольнения с должностей высших администраторов радиостанции. В США взаимоотношения между разными ветвями власти и организациями четко регламентированы законодательством и традициями. И Белый дом снял трех высших администраторов добровольно, просто под давлением мнения Сената и прессы, которая в США великая сила. Сенат может требовать снятия лишь тех руководителей, которые Сенатом же утверждаются, а это только члены администрации Президента.

Я дальше не буду как-то группировать события по их характеру, так как следовали они вперемешку, поэтому и я вынужден передавать их в форме калейдоскопа и не всегда в хронологической последовательности.

Помню, вскоре после увольнения я получил письмо от Ричарда Пайпса. Он писал, что потрясен известием о моем увольнении, обещал что-то предпринять и призывал меня не падать духом. Получил я теплое письмо от Симона Визенталя, Дж. Крисчансена, звонили и писали мои чехословацкие друзья, обещали внедрять в западную прессу информацию о моем деле. Антонин Лим, оказывается, был в дружбе с Клайборном Пеллом и обещал говорить с ним обо мне, и наверняка обещание выполнил. Михал Райман помог мне связаться с вашингтонским корреспондентом «Ди цайт» Уве Шиллером, который потом написал очень важную для моего судебного процесса статью.

Незабвенный Ларс-Эрик Нильсен

Но самым удивительным был звонок из Вашингтона известного и влиятельного американского журналиста Ларса-Эрика Нильсена, одного из руководителей самой многотиражной газеты в Штатах «Нью-Йорк дейли ньюс», недавно, увы, скончавшегося.

Еще до моего протеста в Сенат среди критических статей в западной прессе об антидемократических и антисемитских передачах РС выделялись его статьи, отличаясь остротой, пониманием дела и ангажированностью автора. И вот примерно на третий день после моего увольнения раздался телефонный звонок из Вашингтона Ларса-Эрика Нильсена. «Мы вас не оставим! Держитесь! — сказал он. — Я пишу статью о вашем деле. Я нахожусь в контакте с Клайборном Пеллом и Джеральдом Крисчансеном. Пелл напишет письмо в вашу защиту». И Нильсен опубликовал не одну статью в мою защиту, а несколько, и не только в своей газете. Статьи его перепечатывались многими другими газетами США. Выяснилось, что он работал в конце 60-х корреспондентом агентства Рейтер в Москве. Отсюда, наверное, понимание ситуации и особая заинтересованность. Вот выдержка из его статьи в «Нью-Йорк дейли ньюс» от 21 февраля 1986 года:

«Вы в суде, вы и я, в Мюнхене, Западная Германия. Мы пытаемся получить немецкое разрешение, чтобы уволить нашего служащего, советского диссидента, который имел смелость публично протестовать против антисемитизма.

(«Мы» — это значит американские граждане, финансирующие своими налогами радиостанцию «Свобода» и таким образом вовлеченные в судебный процесс по моему делу.)

Его проступок против нас, — продолжал Нильсен, — подобен тому, что совершил против Кремля Анатолий Щаранский: протест против антисемитизма, борьба за свои права и общая неудобность для властей.

Ирония состоит в том, что мы пытаемся уволить Белоцерковского в тот самый момент, когда мы приветствуем освобождение Щаранского из ГУЛАГа.

Ирония заключается также в том обстоятельстве, связанном с историей немцев и евреев, что мы просим немецкий суд позволить нам предпринять репрессии против еврея Белоцерковского. У немцев хватает здравого смысла, и они стремятся не принимать участия в этом. Но мы не позволяем им уклониться. Мы намерены воевать с Белоцерковским в немецком суде до второго пришествия...

Власти, которые держали в тюрьме Щаранского, могут наслаждаться ироническим смехом. Когда доходит до дела, то оказывается, что мы не намного более терпимы к инакомыслию, чем они».

Нильсен не только писал о моем деле, но и хлопотал за меня в различных американских учреждениях. Благодарность моя безгранична, как и скорбь о его кончине.

Были статьи и других авторов в других американских газетах и журналах, а затем и в английских, таких разных, как «Гардиан» и «Спектейтор», во французских («Либерасьон»), немецких («Ди цайт»), израильских, голландских. Ну и разумеется, в прессе чехословацкой, польской, литовской, украинской эмиграций. Это только то, что мне известно. И во всех этих случаях газеты защищали меня и выражали возмущение по поводу моего увольнения.

В «Ди цайт» от 7 марта 1986 года статья Уве Шиллера «Странные тона из эфира» о моем деле заканчивалась так:

«С января 1986 года Белоцерковский получает пособие по безработице. «В Советском Союзе я был безработным из-за господствовавшего там антисемитизма. Здесь я безработный потому, что протестовал против антисемитизма», — саркастически комментирует бывший диссидент свой новый статус».

Мне был известен только один случай выступления против меня в западной прессе — в «Уолл-стрит джорнэл» была опубликована статья брата Джеймса Бакли, в которой мне запомнился один яркий пассаж. Белоцерковский, писал автор, «жестоко атакует в прессе своего работодателя», и его не удастся уволить из-за существующих в Германии социалистических законов. Необходимо, делал автор вывод, как можно быстрее переводить РСЕ/РС в США!

Волчье молчание эмиграции

Эмигрантская пресса поначалу долго молчала, хотя тема моего выступления и увольнения горячо обсуждалась во всех русских эмигрантских кружках на всех континентах. Постепенно выяснялось, что большинство политэмигрантов не собирается протестовать против моего увольнения. Появилось письмо четырех, направленное Клайборну Пеллу, которое подписали Л. Алексеева, П. Литвинов, К. Любарский и С. Максудов-Бабеньшев. (Литвинов вскоре дезавуировал свою подпись, а Любарский подписался, чтобы подлизаться ко мне после попытки лишить меня «Рабочего движения»); и еще письмо троих моих друзей — А. Якоревой, В. Файнберга и В. Борисова — в разные адреса и в прессу. Они хотели собрать под этим письмом много подписей, разослали его всем либерально-демократическим эмигрантам, но никто его не подписал! Случился даже такой эпизод. Когда Альбина Якорева пыталась собирать подписи диссидентов, работавших на станции, уже известная читателю Юлия Вишневская, отказываясь подписать письмо, сказала Якоревой: «Не надо делать из Белоцерковского героя!». (Со всем как в «Правде» по поводу моего «Почтового вагона») Позвонила неожиданно и сама госпожа Розанова (Синявская) и стала с откровенным садистическим любопытством разведывать, каково мне приходится? Но в тот раз меня хватило догадаться оборвать разговор, не удовлетворив любопытства Розановой.

Упомянутые выше письма были, конечно, каплей в море. Для сравнения, под обращением в защиту Владимова подписались почти все гранды эмиграции, начиная с Иосифа Бродского. (Солженицын не подписывал защитные письма принципиально, чтобы «не девальвировать свою подпись»!)

Я послал документацию скандала Льву Копелеву, еврею, левому по ориентации, другу Сахарова, вошедшему уже тогда в контры с Солженицыным. Авторитет Копелева в Германии был чрезвычайно высок, и он мог бы многое сделать как для меня, так и для прекращения давления «коричневых» на «Свободу». Но он даже ответить мне не удосужился! Прождав месяца два и написав ему напоминание (вдруг первое письмо не получил), я отправил ему еще одно письмо: «Итак, Вы очевидно не собираетесь откликаться на мои призывы о помощи и даже не считаете необходимым ответить мне. (Вместо этого Ваша жена шутит: «А вы любите писать письма!»). Все равно что сказать тонущему: а вы любите кричать!» Чем объяснить Ваше

безразличие и бессердечие, как не чудовищной кастовостью Вашего сознания, позорной для диссидента-правозащитника? Я пишу Вам сейчас, чтобы Вы хотя бы знали, как выглядите со стороны».

Позже, когда Владимов был «уволен», исключен из НТС и с поста главного редактора «Граней», Копелев развернул кампанию в защиту Владимова и в своей статье по этому поводу вспомнил о моем деле – вот, мол, и Белоцерковского уволили реакционные силы по сходным причинам! Я написал ему тогда короткую записку: «Я тоже сочувствую Владимову, но дела наши, господин Копелев, имеют мало общего: меня уволили за то, что я протестовал против антисемитов («реакционных сил») и не хотел служить под их началом, а его за то, что он недостаточно потрафлял этим самым антисемитам, служа у них!».

Очень печальным было для меня и молчание советской прессы. Раньше самый ничтожный скандал на РС находил злорадный отклик в советской печати — «Пауки в банке» и т. д. А тут такая, казалось бы, выигрышная тема... и молчание. Три раза советские газеты вплотную подходили к моему делу, но не разворачивали его. «Правда» за 5 октября 1985 года писала:

«Из отчета «Главного счетного управления» Сената США по поводу деятельности «Свободы» выяснилось, что в последнее время она перешла к самой низкопробной черной пропаганде».

Не к антисемитской или антидемократической, не к «коричневой», а к какой-то «черной». И ни слова о моем деле!

«Комсомольская правда» от 10 октября 1985 года упомянула мое имя, но в каком контексте!

«Скандал возник внезапно. Кто-то из сотрудников рассказал антисемитский анекдот, и тогда представители воинствующих сионистов, некие Лев Ройтман и Вадим Белоцерковский, бросили клич среди сынов Израиля и провозгласили бескомпромиссную борьбу за ликвидацию антисемитизма на радиостанции РСЕ/РС».

Ройтман был автором одного из протестов, направленных только начальству РС. Газета упомянула Ройтмана, очевидно, ввиду его чисто еврейской фамилии, чтобы и мою национальность высветить! О том, что я был уволен, «Комсомольская правда» ничего не сказала, как и о том, что скандал возник из-за антисемитских радиопередач. История с анекдотом, разумеется, полная выдумка.

Но, пожалуй, самый яркий случай представляла собой корреспонденция из Вашингтона, напечатанная в газете «Труд» 5 декабря 1985 года. В ней сообщалось о статье Кэтрин ван ден Хэйвел в «Нэйшн» от 4 декабря «Нет свободы на «Свободе»», целиком посвященной моему делу. Однако газета «Труд» обошла мое дело молчанием и ничего не сказала об антисемитских передачах. Интересно, что в Польше официальный журнал «Форум» (1986, № 15) перепечатал почти полный перевод статьи из «Нэйшн», вырезав из нее лишь фрагмент, в котором рассказывалось о моей жизни в СССР и о моих взглядах и книгах.

В Москве на Лубянке прекрасно понимали, что выступление советской прессы по моему делу и о скандале вокруг «коричневых» передач «Свободы» могло бы перепугать высокие круги в Вашингтоне и способствовать моему восстановлению на работе, что было, очевидно, очень нежелательно для советских властей, так как я, повторяю, единственный говорил по «Свободе» об идеях общества самоуправления, о борьбе «Солидарности» за него и одновременно являлся главной помехой для продолжения «коричневых» передач.

В эмиграции лишь сугубо коммерческий журнал «Панорама», издававшийся к тому же на далеком западном побережье США и там распространявшийся, публиковал материалы о моем деле (как и мои статьи, которые я писал после увольнения).

Рабочие суды в Германии очень загружены, и мне несколько месяцев пришлось ждать рассмотрения моего дела. Судья дважды советовал представителям радио добровольно восстановить меня на работе, но получал отказы. Администрация заявила, что в случае проигрыша в первой инстанции она намерена идти дальше — апеллировать во второй инстанции. А это означало бы как минимум затычку на два-три года, а то и больше! Шесть месяцев (после даты увольнения) я получал ежемесячную зарплату из расчета двухнедельный оклад за год работы (а проработал я на «Свободе» 12 лет), как то полагалось по закону. Потом перешел на пособие по безработице. В Германии оно тогда составляло в нормальных случаях около 60% зарплаты, но вопреки моему ожиданию мне как иностранцу (я имел американское гражданство) назначили всего лишь 20%! (Пособие по безработице выплачивалось тогда в течение примерно полутора лет.) Полагалось мне еще и выходное пособие, опять же в размере полугодового оклада (размер и тут зависел от стажа), но я не спешил его брать, надеясь на благоприятное решение суда. Потом ведь надо было бы возвращать.

Между тем бывшие правозащитники в эмиграции по-прежнему проявляли полное безразличие к моему делу. После нулевой реакции эмиграции на гибель Амальрика я не мог ожидать иного, и все же молчание бывших диссидентов очень меня угнетало. Вспоминалось как светлый сон, как в подобных случаях вели себя диссиденты в России. Пугало и дерзкое упрямство администрации РС, не желавшей восстанавливать меня, несмотря на давление Сената. Затрещало здоровье. Впервые в жизни почувствовал какое-то психическое расстройство: время от времени охватывало что-то вроде страха и душевной боли. Очень неприятная штука, не хочется вспоминать. С полгода это длилось, но как-то справился. И другие болезненные явления вдруг появились.

Я нажимал на спорт и много работал по своей тематике. В частности, начал подготавливать свою книгу «Самоуправление» для немецкого издания у «Хердера», самого старого и авторитетного издательства в области философии и религии. Рекомендовали меня туда, конечно, чехи! Также начал работать над мемуарной книгой для того же издательства, которая не была опубликована, но помогла мне теперь в работе над этой книгой.

А на родине в это время уже разворачивалась перестройка! И это создавало какой-то сюрреалистический фон моему делу.

Что происходило на радио в мое отсутствие? Новый директор русской службы был подбран Джорджем Бейли перед уходом. Это был некто мистер Гальской, русский американец, полковник в отставке, бывший сотрудник разведки ВВС США. Всеми силами он стремился перевоплотиться из американца в русского: пел в местном православном хоре НТС и, как и Бейли, пользовался советами Глеба Рара.

Ключевой сценой того периода была, наверное, регулярная встреча директором Гальским молодого православного священника Артемова, внештатного автора религиозных программ (опять же под руководством г-на Рара) и «по совместительству» сына вождя НТС Артемова. Артемов-юниор, молодой человек с румяными щечками и сочно-красными губками, прихо-

дил на радио в полном священническом облачении, и пока он, благостно улыбаясь, оформлял свой проход в бюро пропусков, оповещенный Гальской уже спешил ему навстречу по коридору «Свободы», сопровождаемый православными энтээсовцами. Приблизившись к Артемову, Гальской припадал к его руке, а Артемов благословлял его крестным знаменем. После этого к ручке прикладывались по очереди и по ранжиру остальные православные радиожурналисты. Весь персонал редакции был разделен на две части: на допускаемых к ручке и недопускаемых.

Глядя на все это, я обдумывал вариант, что в случае, если меня восстановят и к тому времени на «Свободе» ничего не изменится в лучшую сторону, то мне надо будет попытаться выторговать отступную сумму покрупнее, такая практика нормальна на Западе, и распрощаться со станцией. Как-нибудь уж дотягивать до пенсии.

Немецкий рабочий суд

Тем временем подошел, наконец, «термин» судебного слушания по моему делу. Слушание состоялось 5 марта 1986 года, между прочим, в день 33-й годовщины «издохновения» Отца народов!

Наш Фридрих достал из своего толстого, поношенного, но солидного старонемецкого портфеля черную адвокатскую мантию и, облачившись в нее, стал похож на Дон Кихота «прусского».

Длилось судебное заседание меньше часа. Мы с Анитой влюбились в судью. Он был интеллигентным, мягким человеком, спокойным, улыбочивым и умным. Адвоката и представителей станции он истерзал вопросами. Любопытно, что адвокат радио оказался однокурсником нашего Фридриха по университету, и что еще забавнее — также происходил из семьи антифашиста, погибшего в годы нацизма!

Под конец заседания судья объявил, что решение будет оглашено примерно через неделю. Мы накинулись на Фридриха: «Судя по всему, решение должно быть в нашу пользу?». Но осторожный до садизма Фридрих жался: «Все зависит...» С этих слов он начинал почти любую свою фразу! Пришлось запастись терпением еще на неделю, которая, разумеется, тянулась очень долго.

Пока она тянется, расскажу, как появился русский язык у Фридриха. После ареста отца в 1933 году все его немалое имущество и средства были конфискованы в пользу «третьего рейха», и семья осталась нищей. Чтобы учиться в университете (после войны учеба была бесплатная, но надо было где-то жить и что-то есть), нашему Фридриху пришлось наняться «домработником» в семью профессора университета. Этот профессор и его жена были русскими, детьми самой первой, постреволюционной эмиграции. И оказались людьми хорошими, заботливыми. Они поставили Фридриху ультиматум: он должен в их доме говорить по-русски! Ведь в будущем, внушали они, язык одной из стран-победительниц может ему очень пригодиться. Так вот Фридрих и начал изучать русский.

Но неделя прошла, и судья Мюнхенского рабочего суда объявил решение: увольнение — незаконно, истец (т. е. я) должен быть восстановлен на работе. Письменное обоснование ре-

шения судья обещал сделать в течение шести недель, однако делал его более семи месяцев! И все это время я продолжал оставаться без работы и с большой долей вероятности предполагал, что станция пойдет на апелляцию и дело затянется еще на несколько лет! После суда представитель администрации радиостанции вновь заявил, что они будут ждать обоснования решения, чтобы идти на апелляцию.

Между тем положение на станции начало меняться к лучшему. В Советском Союзе дело шло к демократии, и американские руководители в Белом доме и Госдепартаменте, видимо, поняли наконец, что русские «национально мыслящие» политэмигранты во главе с Солженицыным морочили им голову, что они ничего не понимают в русских делах и не имеют серьезной почвы в России. На пост президента РСЕ/РС был назначен нормальный демократически мыслящий человек — Юджин Пелл (однофамилец «моего» Пелла), который начал отстранять от руководства русской службой наших нацпатриотов.

К тому же их настиг тяжелый удар с самой неожиданной стороны. В один апрельский день станцию облетела кошмарная весть: исчез Олег Туманов. Возможно, бежал в Советский Союз! За пару недель до этого Гальской повысил Туманова до и. о. главного редактора русской службы! (Повысил человека с четырехклассным, напомним, образованием, который не умел составить двух фраз!) Ожидалось, что Туманов вот-вот будет утвержден в этой должности. Он, напомним также, был членом НТС, и в «Континенте», и в «Посеве» его всегда называли среди патриотических и компетентных работников радио.

Энтээсовцы ходили мрачные, шушукались по углам. Глеб Рар рассказывал всем, что Туманова похитили агенты КГБ с помощью немецких левых. Но немецкая служба безопасности почему-то арестовала его сожительницу.

В это же время и у меня произошло любопытное событие. Вечером 19 апреля раздался телефонный звонок. Мужской голос по-русски представился: Литвиненко. Последовавший диалог я на другой день описал в письме к Довлатову, которое лежит сейчас передо мной.

- Вы знаете о том, что случилось с Олегом Тумановым? — спросил меня незнакомец.
- Знаю. Исчез...
- А вы не думаете, что и с вами такое может случиться?
- Кто вы такой?
- Литвиненко...
- Где вы работаете?
- В Мюнстере. Так вот, с вами может случиться то же самое, что и с Тумановым!
- По поручению кого вы мне угрожаете?
- Я вам не угрожаю, я вас предупреждаю!
- Хорошо, спасибо, до свидания.

Вот такая была беседа. Вначале, кажется, незнакомец немного волновался, потом стал наглеть.

Я тут же позвонил в службу безопасности РС. Начальник службы успокоил меня, что это — пустая угроза, но назначил мне на следующий день свидание. И сказал еще следующее: «Имейте в виду, что Туманов не убит и не похищен. То, что он сделал, он сделал по своей воле!».

Сейчас я пойду дальше, но прошу читателя запомнить фамилию звонившего мне человека и сам этот эпизод. В конце главы я вернусь к этой истории.

Через какое-то время Олег Туманов выступил в Москве по телевидению с разоблачениями «Свободы» как «рупора ЦРУ».

Обо мне и связанном со мной скандале он, конечно, ни словом не обмолвился. На Лубянке, видимо, еще надеялись, что меня не восстановят.

Советские массмедиа подали дело так, что Туманов был заслан на «Свободу» и вернулся назад, выполнив свое задание. Но позже генерал КГБ Олег Калугин («предатель», по заявлению Путина), возглавлявший в описываемое время на Лубянке отдел по борьбе с «вражескими голосами», сказал, выступая у нас на радио (примерно в 1992 году), что никаким засланным агентом Туманов не был. «Его подобрали!» — емко сформулировал Калугин. Туманов ведь был еще и пьянчуга. А в Россию его забрали потому, что было замечено внимание к нему агентов БНД (немецкой службы безопасности), и его в любой момент могли схватить.

Глеб Рар и энтээсовцы уверяли всех, что Туманов выступал по телевидению, обработанный специальными наркотиками. Потом он в Москве успел еще написать с чьей-то, конечно, помощью разоблачительную книгу о «Свободе», и вскорости сгорел от пьянства.

Пятого июня 1986 года Ларс-Эрик Нильсен на пресс-конференции в Сенате нового президента РСЕ/РС Юджина Пелла (в связи с дебатами о бюджете радиостанций) задал ему вопрос о моем положении — намерено ли руководство РСЕ/РС восстановить меня на работе в связи с решением немецкого суда? И Ю. Пелл ответил, что администрация восстановит меня, если судья в обосновании решения подтвердит свой вердикт о незаконности увольнения.

Теперь уже дело стало ясным, и надо было ждать судебного обоснования.

Бешенство солжистов и солидаристов

После этой пресс-конференции советская и эмигрантская пресса начали писать о моем деле. Очевидно, по отмашке с Лубянки, терять им уже было нечего: решение о моем восстановлении было принято!

В «Литературной газете» 17 сентября 1986 года появилась статья «На «Свободе» и вокруг», в которой впервые было написано уже нечто близкое к правде:

«В последние годы эфир все больше становился ареной внутриредакционных битв. Администрация Вашингтона, например, зовет в «крестовый поход» за демократию, требует «свободы еврейской эмиграции», а «старая гвардия» РС тем временем поднимает знамена антисемитизма, авторитарной монархии. «Либералы» помоложе недовольны: как совместить все это с официальными идеалами Америки?...

Споры сотрудников выливались в яростные стычки. Один из них подал даже в мюнхенский суд на радиостанцию после того, как его оттуда уволили за несогласие с погромным содержанием передач».

Но имя мое все-таки не называется: «Не надо делать из Белоцерковского героя!».

Солидарно, в унисон заговорила и эмигрантская пресса. Все, что там писалось о моем деле, было наполнено злобной ложью.

В одной газете сообщалось, что я был уволен за публикацию «в левом американском журнале секретной информации о работе РС», в другой — что я «занимался на станции социали-

стической пропагандой и преподносил советским слушателям антисоциалистическое и национально-религиозное движение «Солидарность» как исключительно социалистическое, как борьбу за настоящий социализм». Писали, что меня уволили по той причине, что я «был в СССР агентом КГБ и сам в этом признался!» Заметим, эту версию выдвинул (в журнале А. Глезера «Стрелец») сотрудник Солженицына (по его издательству), некто Юрий Фельштинский, молодой тогда человек из новой эмиграции, один из «полезных евреев» Солженицына, защищавших его от обвинений в антисемитизме. Он даже выпустил брошюру «Солженицын и социалисты», где доказывал, что все враги Солженицына, начиная с Белоцерковского, критикуя его за антисемитизм, на самом деле ненавидят его за то, что он противник социализма и коммунизма. Во как закрутил!

Но по низкопоклонству перед Солженицыным всех переплюнул журнал Михаила Моргулиса «Литературный курьер» (1985, № 11), в котором подборка документов по моему делу, включавшая письма возмущенных (мною) читателей, сопровождалась фотографиями «классика» разных лет. На 12 страницах красовалось 14 фотографий! Они размещались колонкой на каждой странице: слева фотографии, справа текст.

В том же номере «Литературного курьера» некто «доктор философии» А. Ушаков писал: «В. Белоцерковский, будучи в СССР, не имел никакого отношения к правозащитному движению... он был уволен по весьма серьезному основанию (и это легко проверить): за нарушение 5-го параграфа трудового договора о неразглашения строго конфиденциальной информации, которая была доступна ему по занимаемой должности».

Этот «доктор философии» ранее неизвестно откуда появился на «Свободе», походил по кабинетам, стреляя по сторонам колючими глазками, и исчез, перелетел в США.

Крайнее возмущение в мой адрес выражали наиболее верные «солжисты» — Кублановский, Глезер, Лосев (автор эссе по «Августу четырнадцатого»). Кублановский назвал мой протест доносом. (На кого? Очевидно, на Солженицына!)

Несколько позже уважаемый мною до того Павел Литвинов разослал по «демократическим» адресам письмо, в котором, как я уже говорил, фактически дезавуировал свою подпись на обращении в мою защиту. Он писал: «Поводом для его (Белоцерковского) увольнения послужила его статья в журнале «Нэйшн». Я не считаю этичным для сотрудника РС критиковать эту организацию на страницах крайне левого журнала, чья редакционная позиция по существу включает борьбу за закрытие РС».

Литвинов прекрасно знал (я посылал ему все документы), что пассаж о «Свободе» был включен в мою статью редакцией «Нэйшн», и что журнал этот никаким «крайне левым» не был. Достаточно сказать, что он сотрудничал с Клайборном Пеллом и демократической партией! Впрочем, в русской эмиграции крайне левыми считались все издания (и люди), за исключением крайне правых!

Двадцать четвертого октября 1986 года было получено, наконец, из суда письменное обоснование решения по моему делу. Вот главная часть этого текста.

«Выписка из обоснования судебного решения
по делу Вадима Белоцерковского
24.10.86.

Увольнение ответчицей [Радио Свобода] 15.5.85 нарушает пара-граф 1 КСхЗ и не имеет вследствие этого законной силы.

Когда ответчица аргументирует это увольнение тем, что истец [Белоцерковский] в своем ответе от 11.4.85 на выговор от 22.3.85 заявил, что он и в будущем не будет соблюдать нормы тарифного договора, то суд никоим образом не может соглашаться с подобной аргументацией. В письме истца от 11.4.85 прозвучало сомнение в законности существования пункта 5 в тарифном договоре. Однако, он не пошел дальше в этом вопросе. Он разъяснил, что не считал для себя необходимым получение разрешения у ответчицы для публицистической деятельности в случаях, когда речь идет о протесте против демонстрации человеконенавистничества, в частности, против пропаганды и разжигания расовой и национальной ненависти. ...

Такое поведение, объявленное истцом, не может вызывать абсолютно никаких возражений.

Истец разъяснил, что и впредь, когда в передачах ответчицы будут вновь содержаться нарушения, карающиеся законом, — то он, после исчерпания всех внутрипроизводственных возможностей для протеста, вновь обратится с критикой вовне в форме публикаций. И это законно. ...

В письме от 11.4.85 истец совершенно четко обвиняет ответчицу в том, что упомянутая в статье в «Нэйшн» радиопередача ответчицы (по отрывку из романа Солженицына «Август четырнадцатого») является демонстрацией человеконенавистничества и пропагандой национальной ненависти, но ответчица ни разу никаким образом не смогла доказать, что эта критика и обвинение не соответствовали действительности или хватали через край».

По-моему, замечательный документ. Будут ли когда-нибудь в России появляться подобные судебные заключения в подобных ситуациях?

Немецкий рабочий суд, защитив меня от «приговора» к пожизненной нищете, одновременно дал щелчок по носу американской администрации РСЕ/РС, которая ранее добровольно не хотела меня восстановить на работе. Немецкий судья показал ей, что это такое — демократический правопорядок и что является пропагандой национальной ненависти!

Через 15 лет Солженицын в мемуарах «Угодило зернышко промеж двух жерновов» много места уделил истории с моим протестом против эссе Лосева, вслед за Кублановским квалифицировав протест как донос. Для того чтобы придать этому обвинению хоть какую-то достоверность, Солженицын умолчал о том, что протест был направлен в американский Сенат (т. е. был «доносом» на президента США, поставившего черного реакционера во главе ВІВ) и что я был уволен за это, и о решении немецкого суда. Через 10 лет после падения режима «коммунистической лжи» он полностью повторяет ложь (через умолчание) советской прессы, которая точно так же умалчивала о всех невыгодных ей обстоятельствах моего дела. Я уж не говорю о том, какая это вообще наглая демагогия — называть доносом открытое выражение сотрудником мнения о поступившем в редакцию материале. Я направил тогда в «Новый мир» ответ Солженицыну, но главный редактор журнала Андрей Василевский отказался его опубликовать, прикрыв свой отказ неприемлемыми для меня цензурными требованиями к тексту ответа. В частности, он потребовал убрать фразу об антисемитизме Солженицына «нацистского толка». Я, разумеется, иного и не ждал.

Злобная компания эмигрантской прессы по моему делу, сознаюсь, потрясла меня, хотя, казалось бы, я должен был этого ожидать. Конечно, иных авторов статей и редакторов дергали за ниточку, точнее — за леску, лубяньские рыбаки, но не все же висели на крючках! И что я сделал всем этим людям плохого?! Поражало, что большинство новых эмигрантов (не поддержавших меня или нападавших на меня) были лишены элементарного человеческого сочувствия: ведь кроме всего прочего, увольнение в моем положении означало обреченность на нищету. Уж не говоря о том, что уволен я был за чисто правозащитное и антифашистское действие, а ведь многие из чернивших меня были евреями!

«Что я сделал этим людям плохого?!» Но ведь я знаю ответ: привлек к себе внимание западного общества! У французов есть поговорка: «Ищите женщину!» (за любым преступлением или скандалом), а в среде российской интеллигенции в подобных случаях надо искать зависть!

Зависть, скажете вы, свойственна всем людям. Безусловно! Но когда у людей есть еще и заинтересованность в общем деле, и способность к сочувствию, сопереживанию, зависть подавляется! Теперь я, например, понимаю, что не только из холуйства или трусости подписывали в советское время академики письма против Сахарова (и не подписывали в его защиту), но и из зависти к его всемирной известности. После эмиграции, к примеру, я наткнулся в одной из статей академика Никиты Моисеева на объяснение, почему он не выступал в защиту Сахарова, и за туманным объяснением, пропитанным неприязнью к Сахарову, отчетливо увидел все ту же зависть. Ну и вспомним чеканную формулу Карла ван хет Реве: «В русской эмиграции чей-то малейший успех воспринимается всеми как личное оскорбление!».

Десятого ноября 1986 года, вскоре после получения обоснования судебного решения о незаконности моего увольнения, я был восстановлен на работе. Но я еще отгулял положенный мне за время увольнения отпуск в полтора месяца. Не столько отгулял, сколько, конечно, отработал за своим столом. Как раз дописал мемуарную книгу по заказу Вольфганга Леонгарда.

Мой отпуск заканчивался 30 декабря, но 23 декабря я зачем-то зашел на станцию, и один мой коллега, нормальный, хороший человек, сказал мне: «Вадим, возвращайся на работу: Сахарова сегодня освободили из ссылки!». На другой день я приступил к работе.

А теперь коснусь обещанной темы — о личности некоего Литвиненко, угрожавшего мне по телефону, что меня может постигнуть судьба Олега Туманова.

В 2001 году, как я уже упоминал, на Западе вышла книга бывшего сотрудника ФСБ Александра Литвиненко о том, что взрывы в Москве и Волгодонске в 1999 году были организованы ФСБ. Совпадение фамилий человека, звонившего мне якобы из Мюнстера, и автора книги о взрывах можно было бы считать случайным, если бы не фамилия его соавтора: Юрия Фельштинского!

Интересное получается кино: тогда они оба работали по моему делу, может быть, независимо друг от друга, а может, и согласованно, и сейчас опять в паре работают! Случайность такого совпадения представляется мне маловероятной.

Какова моя версия? Я думаю, предполагаю, что А. Литвиненко, оказавшись на Западе из-за своего конфликта с ФСБ (после его заявления, что ФСБ поручало ему убить Бориса Березовского) и решившись под влиянием того же Березовского разоблачить официальную версию о чеченском следе во взрывах домов, пригласил в соавторы как литературного обработчи-

ка Юрия Фельштинского, уже знакомого ему по «работе» в 80-е годы, в том числе и против меня!

Литвиненко мог только сейчас познакомиться с Фельштинским? Может быть, но Фельштинский живет в Америке, а Литвиненко — в Англии, и там тоже российских журналистов хватает. Почему Литвиненко назвал мне свою фамилию, а не псевдоним? Это вопрос, но черт их там знает в КГБ! Был тогда Литвиненко еще молодым, начинающим, рядовым агентом и, может быть, не нашел необходимым скрывать свою фамилию. А может быть «Литвиненко» — это и есть его чекистский псевдоним, который он почему-либо решил сохранить? Занятная история, не правда ли?

При этом, повторю, я ни в коем случае не ставлю под сомнение версию о взрывах, содержащуюся в книге Литвиненко — Фельштинского. Попытка взрыва дома в Рязани агентами ФСБ в сентябре 99-го года (а то, что это была именно попытка взрыва, не вызывает никакого сомнения) является и косвенным доказательством того, что дома в Москве и Волгодонске тоже были взорваны по заказу ФСБ. Уж слишком дико было бы предположить, что эти дома взрывали чеченцы, а в Рязани ФСБ решило продолжить их дело! Я писал об этом в «Новой газете» задолго до Литвиненко и Фельштинского — 31 марта 2000 года.

P. S. После того как я закончил работу над рукописью книги, я рассказал об этой истории сотруднику «Новой газеты» Акраму Муртазаеву, который ранее брал интервью в Англии у Александра Литвиненко. Муртазаев связался с ним и спросил, звонил ли он мне в 1986 году? Литвиненко ответил отрицательно и добавил, что он вообще в то время служил в «другом подразделении» КГБ.

Не скажу, что я стопроцентно поверил этому опровержению.